

ИЗБРАННЫЕ: НАЧАЛО

АНАСТЕЙША СТАРК

Анастейша Старк

Избранные: начало

<https://litres.ru/74349998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три избранных. Три пробудившиеся силы. Одно пророчество, способное стереть мир.

Печати пали — как и было предсказано. Зло вырвалось на свободу, ведомое холодной яростью. В тот же миг небо над Лондоном вспыхнуло северным сиянием. Это знамение не было случайным.

В родильном доме, где время будто застыло, три женщины одновременно ощутили схватки. Спустя мгновения три младенца сделали первый вдох — и мир содрогнулся от пробудившейся в них мощи. Их появление стало знаком: впереди — великие события, которым суждено войти в легенды.

Спустя восемнадцать лет Калеб, Томас и Алекс, разбросанные по разным уголкам земли, наконец встретились. Им предстоит обрести дружбу, встретить любовь и оказаться в эпицентре кошмара. Когда солнце начнёт покидать землю, они спустятся в глубины Посейдона, чтобы остановить пожирающее мир зло.

Смогут ли они обуздать рвущую их изнутри магию, пока разум ещё столь хрупок? Или станут пешками в этой игре?

Мир на грани. И только от них зависит его существование.

Содержание

Введение	6
Глава 1: Новое начало	29
Глава 2: Освобождение от оков	36
Глава 3: История избранных	48
Глава 4: Калев	51
Глава 5: Томас	62
Глава 6: Алекс	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анастейша Старк

Избранные: начало

Оглавление

Введение

Глава 1: Новое начало

Глава 2: Освобождение от оков

Глава 3: История избранных

Глава 4: Калев

Глава 5: Томас

Глава 6: Алекс

Глава 7: Кембриджский университет

Глава 8: Путь Калеба

Глава 9: Путь Томаса

Глава 10: Путь Александра

Глава 11: Вот так встреча!

Глава 12: Начло крепкой дружбы

Глава 13: Потасовка

Глава 14: Случайная встреча

Глава 15: Ах, это лето!

Глава 16: Необычный случай

Глава 17: Тайны ночных грёз

Глава 18: Идеальнее некуда

Глава 19: Первые противники

Глава 20: Видение

Глава 21: Легенда о тьме

Глава 22: Призыв Гая

Глава 23: Пробуждение

Глава 24: Необычный дар

Глава 25: Последствия

Глава 26: Забытые чувства

Глава 27: Нежданные вести

Глава 28: Тишина, которая убивает

Глава 29: Помощь рядом

Глава 30: Знакомство с Посейдоном

Глава 31: Путешествие в Морское Царство

Глава 32: Встреча с Кракеном

Глава 33: Новый союзник

Глава 34: Преодолевая оковы

Глава 35: Битва с Гарголой

Глава 36: Возвращение Посейдона

Глава 37: Шёпот посоха

Глава 38: Свет против тьмы

Введение

Сегодня я расскажу вам о ночи, которая, как старинный свиток, запечатлелась в моей памяти. В тот самый миг, сидя у костра, я ощущала, как нежный порыв ветра приносит с собой этот терпкий, почти сладковатый запах горящих дров, словно открывая двери в прошлое и маня в путешествие сквозь века.

Подняв глаза к небу, я замерла от восхищения. Оно раскинулось надо мной, как бескрайний синий океан, усыпанный множеством звёзд. Каждая из них — как отпечаток пальца, уникальна. Одна искрится холодным синим светом, другая излучает тёплое золотистое сияние, будто узоры на крыльях бабочки. Разные, но все — часть одного грандиозного замысла.

Как же было трудно удержать в себе все чувства — они словно пылающие искры, готовые разгореться в огонь. А ты... Ты, тот, кто читает это, должен знать: эта история — не просто слова на бумаге. Это живое дыхание, которое ждёт своего часа, чтобы быть услышанным.

Когда я начала погружаться в легенду, я поняла, что она

олицетворяет основные элементы: огонь и лёд — начало и конец.

В стародавние времена, когда мир был ещё юн и неистов, существовало великое множество различных племён. Все они чтили традиции и обряды, но особенно поклонялись природе, считая её божеством. Динозавров тогда, конечно, не было, но... О, как же бушевали войны за территории! Это одно из немногих, что мы унаследовали от них: жажда завоеваний и стремление к новым землям, к природным богатствам.

С одним из них я познакомлю тебя чуть ближе. Племя, гордо носившее имя «Оскол». Их вождём был Гелиос — мужчина с душой настоящего льва, с глазами, полными отваги и доброты, словно огненные факелы. Его старший сын, Гектор, был копией отца и с самого детства стремился унаследовать его титул.

Они всегда держались особняком, словно хранители какого-то древнего знания, недоступного остальным. Их жизнь текла по иным законам, в другом ритме. Не то чтобы они были недружелюбны или сторонились общения — вовсе нет. Знаете, между ними всегда была эта странная невидимая черта — тоненькая, но ощутимая. Они жили как будто в своём мире, где даже рассвет казался каким-то особенным, а

слова во время их ритуалов звучали по-настоящему значимо. Но больше всего они ценили одну традицию — обряд для новобрачных.

Стоило молодожёнам произнести свадебные клятвы, как парочка отчаянных романтиков, готовых к любым приключениям, срывалась с места и отправлялась куда-нибудь подальше — туда, где ещё никто не бывал. Слышали про такие места? Их первое совместное путешествие растянулось на целый год (да-да, целых триста шестьдесят шесть дней!) — и за это время они увидели столько всего, что хватило бы на целую жизнь.

А эти земли... М-м-м, прямо мурашки по коже! То ли действительно духи там что-то шепчут... То ли просто воображение разыгралось. Но атмосфера такая загадочная, что невольно начинаешь верить в чудеса.

И вот что меня поразило: какое же серьёзное испытание выпадало на долю молодых! Не просто погулять съездить, а вернуться с настоящим чудом — с ребёнком, дарованным самими богами. Представляете, какая ответственность? В те времена люди действительно верили в такие вещи, и это не просто слова.

И вот настал черёд старшего сына главы племени следо-

вать этой традиции. Гектор... Ох, бедолага! Чувствуется, как он переживает. Не просто жениться хочет — он готовится стать вождём племени! Вот это амбиции, вот это ответственность. И ведь не просто так готовится — хочет всё сделать по правилам, чтобы потом никто слова сказать не мог.

Знаете, иногда думаю: а смогли бы мы сейчас так? Чтобы настолько верить в традиции, настолько ответственно подходить к каждому шагу? Наверное, это и есть настоящая сила духа.

Эх, романтика, традиции, верования... Иногда так хочется вернуться в те времена, когда всё было проще и сложнее одновременно. Когда каждое действие имело смысл, когда верили в чудеса и духов. Может, и нам стоит иногда остановиться и поверить в волшебство?

В пару ему отец выбрал женщину по имени Афина, подобную солнечному лучу, пробивающемуся сквозь серые будни, — невероятную, с такой грацией, что даже камни могли расплыться в улыбке от её обаяния. Она, словно разъярённая тигрица, всегда могла постоять за себя. Такая за словом в карман не полезет.

После того как свадебная церемония подошла к концу, Гектор и Афина, оседлав своих благородных коней, отпра-

вились в неизведанные дали. Их сердца трепетали, как натянутые струны арфы, переполненные надеждой. А в их руках виднелись чаши с вином — верный символ любви и единства.

Странствия — о, как же они были полны захватывающих моментов! Но, знаете, эта пара, словно две половинки одного целого, быстро привыкла к жизни вдали от родных. Казалось, что они были созданы друг для друга, если бы не одно «но»... Многочисленные попытки завести ребёнка, словно мыльные пузыри, лопались, оставляя лишь горечь и слёзы.

Но Гектор настолько полюбил Афины, что был готов уступить своё наследство среднему брату и отступить от своей самой заветной мечты. Вот так и пришло время возвращаться в общину с весьма печальными новостями.

В эту же ночь пара отправилась в путь сквозь чащу леса, и вдруг небо над ними словно сошло с ума! Оно заиграло всеми цветами радуги, будто кто-то там, наверху, включил гигантскую неоновую лампу. А следом, мимо сияющих звёзд, пронеслись две кометы, оставляя за собой сверкающие хвосты.

Возлюбленные, словно дети, переполненные вдохновением, стремительно ринулись в погоню за разноцветными ог-

нями — как будто сама судьба манила их к себе. Ветер звенел в ушах, а в груди разгоралось что-то неопишное, нечто большее, чем просто чувство.

И теперь, после всех испытаний, которые им пришлось пережить, Гектор и Афина наконец остановились — да так и замерли на месте, не в силах поверить своим глазам.

Перед ними раскинулось огромное поле, а прямо в центре чернел странный выжженный круг — будто кто-то нарочно его там оставил. Ну, знаете, прямо магия какая-то!

Они осторожно подошли ближе, крепко держась за руки, — словно боялись потерять друг друга в этот миг. И тут они увидели... двух младенцев! Вы только представьте: малыши будто светились в темноте! Их кожа мерцала в лунном свете, окутывая их волшебным сиянием.

Гектор и Афина стояли, заворожённые этим чудом, и не могли пошевелиться. Сердца замирали от восторга. Наконец они набрались смелости и решили забрать малышей с собой. С огромной нежностью и любовью они дали им имена — Кай и Гай.

Кто бы мог подумать, что эта встреча перевернёт их жизнь с ног на голову! Правда, тогда они ещё и представить не мог-

ли, какие испытания ждут их впереди. Но одно было ясно — их судьба уже никогда не будет прежней.

В общину они вернулись гордо. Гектор доказал, что он достойный преемник своего отца, ведь у них на руках был не один ребёнок, а целых два. А в те времена считалось: чем плодovitее человек, тем он сильнее и тем более благословлён богом.

И надо сказать, их там действительно ждали! Представляете, отец Гектора, едва увидев младенцев, буквально засиял. Он поднял их над головой, и, кажется, даже голос его дрогнул от переполнявших эмоций.

— Боги послали нам этих детей! — воскликнул он. — Они — наша надежда, будущее всего народа, первые близнецы!

Ух, какой же праздник получился! Такого давненько не случалось. Представляете, собрались все от мала до велика, и началось такое веселье, что уши чуть не закладывало от шума!

С появлением Кая и Гая всё вокруг словно преобразилось. Люди заметили, как с каждым днём жизнь становилась всё лучше и лучше, будто эти необыкновенные дети принесли с собой какое-то особое благословение. Урожай вдруг стал

таким богатым, что дома ломились от запасов. Земля словно ожила, даря племени всё больше и больше. Даже звери, которые раньше шарахались от любого звука, теперь спокойно бродили неподалёку от поселения. Настало время настоящего изобилия.

Гектор и Афина с любовью воспитывали детей. Те росли, и через какое-то время они обнаружили, что у Кая и Гая появляются чудесные свойства. У одного из них была власть над силами льда, а у другого — над силами огня. Пока они были маленькими, они забавлялись мелкими проделками: один мог сделать прозрачные сосульки, второй — разжигать яркие костры. Но постепенно они обретали силу, и окружающие люди начали понимать, что братья наделены необычными способностями, будто чудесное озарение свыше.

Старейшины племени, собравшись в кругу, приняли суровое решение оставить в тени удивительные дары Кая и Гая. Не дай бог, соседи прознают... И с тех самых пор мальчикам запрещалось покидать территорию племени.

Связь братьев была настолько прочной, что порой казалось — разорвать её невозможно. словно два крыла одной птицы, они парили над обыденностью, не замечая преград. В их мире всё было разделено пополам: радости и печали, победы и поражения, мечты и стремления. Но по мере того

как они выросли, различия становились всё очевиднее.

Кай — это тот юноша, который мог бы растопить ледяное сердце, даже если бы оно было заковано в сталь. Его доброта словно солнечный луч, пробивающийся сквозь серые будни. Он всегда искал возможности протянуть руку помощи, как будто это было его призвание.

А вот Гай был другим. Его неудержимо влекли приключения — он жил ярко, повинуюсь порывам души, его эмоции брали верх над рассудком. А временами в сердце просыпалась горькая зависть к брату: тогда он замыкался в себе, позволяя мрачным мыслям окутать сознание густой пеленой.

Достигая своего совершеннолетия — а в те времена оно наступало рано — они познали любовь, но любовь трагическую, любовь, что их разделила.

Гектор, унаследовавший место отца, нередко покидал родное племя ради охоты. Душа его жаждала новых впечатлений, дальних дорог и смелых свершений. И вот однажды, в день, который поначалу казался тихим и безоблачным, он углубился в лесную чащу. Внезапно до его слуха донёсся едва уловимый плач.

Следуя за звуками, Гектор обнаружил под старым деревом

девушку. Она была едва прикрыта обрывками ткани, дрожала и горько плакала. Когда он спросил, что случилось, незнакомка поведала свою историю: она бежала из другого племени, где царили суровые законы. Её соплеменники тоже поклонялись природе и чтили её, но платили страшную цену — приносили человеческие жертвы. И ради всеобщего процветания её отец, вождь общины, должен был принести в жертву самое дорогое — собственное дитя. Но она испугалась своей участи и убежала. А звали её Еленой, в честь матери.

Гектор вдруг почувствовал, как его сердце, словно барабан, забилось от жалости. И без колебаний он решил сделать Елену своей приёмной дочерью — она должна была стать частью его народа.

Именно тогда и произошла драма, навсегда изменившая судьбы Кая и Гая. Два брата, внешне одинаковых, как две капли воды, увидели девушку и вспыхнули к ней отнюдь не братскими чувствами. Один, возможно, искал в ней утешение, другой — вдохновение... Или, может быть, что-то большее?

Гай, словно появляясь из ниоткуда, появлялся именно в те минуты, когда она чувствовала себя особенно одинокой. Его появление было словно глоток свежего воздуха в душном помещении — он, с его ледяными крепостями, словно уносил

её в мир, где всё было возможно. Каждый шаг по снежным просторам — это не просто прогулка, а настоящая магия, которая заставляла её сердце биться быстрее.

А Кай пытался завоевать её сердце по-своему, с особой нежностью, что была ему так свойственна. Ведь прошлое девушки не исчезло бесследно, и порой ночи для неё тянулись бесконечно: один кошмар сменялся другим — если бы не он. Кай мгновенно освещал тёмное небо яркими фейерверками, и страх уступал место смеху.

Её ожидал мучительный выбор.

С одной стороны — Гай. Такой загадочный, неприступный. Он смотрел так проницательно, что у девушки пробегали мурашки по коже. И хотя он был холодным и отстранённым, именно это её к нему и тянуло. Хотелось растопить этот лёд, достучаться до его настоящего «я».

А с другой стороны — Кай. С ним так легко и тепло. Он такой заботливый, внимательный. Когда он был рядом, она чувствовала себя самой счастливой. Его прикосновения были такими нежными, а слова — словно музыка для души.

И вот она металась между ними, как между двух огней. Когда она была с Гаем, всё время думала о Кае, и наоборот.

Иногда ей казалось, что она сходит с ума. Её сердце разрывалось на части.

Долгое время Елена, наслаждаясь мирной жизнью, скрывалась от своего племени. Они же, словно свирепые вепри, искали её, жаждая расправы над ней за упрямство. И вот, в один из тех солнечных дней, когда воздух наполнялся сладким ароматом цветущих деревьев, они наконец нашли её.

Вождь, а заодно и отец той самой девушки, ворвался к Гектору, словно ураган, с требованием вернуть его чадо. И если тот посмеет ослушаться, тогда, о Боже, придётся решать всё на поле боя — не на шутку, а на самую настоящую смерть. словно в воздухе витало напряжение, и сердце замирало от ожидания. Чем же всё может закончиться?

Узнав об этом, Гай почувствовал, как его сердце загорелось огнём. Сжав кулаки изо всех сил и оседлав коня, он вместе с другими мужчинами племени отправился на войну с единственной целью — отвоевать свободу для своей возлюбленной. Он не мог позволить им отобрать её у него и был готов на что угодно. Так началась схватка, которая надолго запечатлелась в памяти людей. Битва длилась три нескончаемых дня и три бессонных ночи. Каждый взмах кулака сотрясал землю, а каждый взмах меча отзывался в душе.

И вот настал решающий час — Гай предстал перед суровым вождём племени Леандром. То был могучий воин, чьи очи пылали неистовой ненавистью. В его взоре читалась непоколебимая решимость вернуть дочь любой ценой, даже если для этого придётся прибегнуть к такой жестокости, от которой содрогнулся бы свет.

— Вы должны вернуть нам девушку! — закричал он. — Она была обещана духам. Если они её не получают, то человечество ждёт суровая расплата — жестокая война, которая пробудит саму тьму!

Не в силах больше терпеть муки любимой, Гай, охваченный праведным гневом, бросился в бой. Это уже не просто схватка... Это была настоящая битва, где каждый вздох мог оказаться последним. Кровь закипала в жилах, а сердце билось, словно барабан.

И вот в этой буре эмоций всё начало меняться.

Параллельно с этим Кай, словно тень, бродил по общине, не решаясь оставить Елену одну со своими страхами. Знаете, как бывает — вроде и хочется всё бросить и ринуться в бой, а что-то держит. Вот и его тоже держало — понимание, что сейчас ей нужно не это.

Его брат, конечно, ринулся в драку, как всегда. А Кай был другим. Он видел, как она вздрагивает от каждого шороха, как старается держаться, но внутри у неё всё дрожит. И он выбрал быть рядом.

Елена сначала даже не замечала его присутствия. А потом вдруг стала ловить себя на мысли, что, когда он рядом, ей спокойнее. Как будто кто-то большой и надёжный стоит за спиной. Его доброта была такой тихой, такой настоящей — не то что у некоторых, показушной. И постепенно она начала понимать, что это не просто симпатия. Это что-то большее. То, как он смотрит, как молчит, появляется именно тогда, когда она больше всего в нём нуждается. Всё это складывалось в какую-то особенную картину. Может, он и не герой с поля битвы, но для неё он стал именно тем, кто нужен — тем, кто не пытается заполнить пустоту громкими словами, а просто делает мир вокруг чуточку лучше.

Наутро, когда первый свет зари пробился сквозь лес, мужчины племени вернулись с триумфом — они отвоевали Елену. Но главная победа была за Гаем. Он ринулся к ней, словно хищный волк: лицо его искажалось в злобной ухмылке, полное жадного восторга, а в руках он держал нечто, что заставляло кровь стынуть в жилах. С гордостью, почти с безумным блеском в глазах, он бросил к её ногам отрубленную голову Леандра. И именно в этот миг сердце Елены разрыва-

лось от невыносимой боли — как будто гром гремел в безоблачном небе. Каким бы жестоким ни был её отец, девушка всё равно любила его, любила по-своему.

Дни и ночи теперь тянулись для неё мучительно долго, воспоминания о родном человеке заполняли разум. Но время — это странный притворщик, не поддающийся логике. Оно как будто умеет исцелять, оставляя лишь тёплые, почти нежные воспоминания. И вот Елена и Кай — два сердца, полные надежд, — с гордостью заявили о своём намерении связать свои жизни узами брака.

Счастье разливалось вокруг, словно ласковые морские волны, одна за другой накатывающиеся на берег. Люди вокруг смеялись, радовались жизни, а Гай стоял в тени, словно одинокий призрак. Он ждал, надеялся — может быть, что-то всё-таки изменится? Хотя сам уже не верил в это.

В его голове крутились мысли о том, сколько всего пришлось пережить ради неё. Каждая пролитая капля крови на этом проклятом поле битвы казалась теперь такой бессмысленной. Он жертвовал всем: своим временем, силами, даже собственной гордостью. Но всё это было лишь криком души, отчаянной попыткой завоевать её.

А жизнь, как обычно, играла в свои жестокие игры. Она

подбрасывала испытания, проверяла на прочность, словно хотела посмотреть, сколько ещё он сможет выдержать. Холодный пот стекал по спине, когда он думал о ней. Эти мысли пронзали его насквозь, заставляя нутро сжиматься от боли и тоски.

Его сердце, когда-то полное надежд, вдруг стало темнеть, как небо перед бурей. Чувства, которые когда-то грели душу, теперь обернулись невыносимой болью — словно острые иглы, вонзающиеся в грудь. Обида, как тень, следовала за ним, и он чувствовал, как мир вокруг начинает распадаться на кусочки.

И вот в этой тишине, когда все радовались, он оставался в своём мрачном уголке, где каждый вздох отдавался эхом пустоты. Как же так? Почему именно он? Или, может, это просто судьба?

Церемония была просто невероятной — будто древние духи спустились с небес, чтобы стать свидетелями этого события. Когда Кай и Елена произнесли свои клятвы, у Гая внутри что-то надломилось. Они выглядели такими счастливыми, отправляясь в неизвестность, чтобы построить свою жизнь. А Гай просто стоял в стороне и смотрел, как рушится его мир.

В ту же ночь, не в силах больше выносить эту боль, он покинул родное племя. Его уход оставил после себя след вечной мерзлоты — будто часть его души навеки застыла во льдах.

А её улыбка преследовала его. Такая тёплая, искренняя — прямо как летний вечер после дождя. И эти глаза — голубые-голубые, как небо в ясный день. Они когда-то дарили ему надежду, а теперь... теперь они — как острые стрелы, которые каждый день пронзают его сердце.

Лица родителей постепенно растворялись в дымке памяти, а некогда тёплая любовь к ним угасала, словно догорающий очаг. Ведь они даже не попытались отыскать его...

Но Гектор и Афина, едва узнав о пропаже сына, без колебаний бросились на поиски. Они бесстрашно вступили в схватку с ледяной пустыней — той самой, что вскоре поглотила их в своих безжалостных, смертоносных объятиях. О, как жестока судьба! Их самоотверженная попытка спасти Гая обернулась трагедией — и ведь он никогда не узнает об их подвиге.

С годами в его сердце поселилась злоба — жгучая, неугасимая, словно разгоревшийся костёр. Она терзала душу, причиняя почти физическую боль. И вот однажды он осо-

знал: убийство отца своей возлюбленной, возможно, было ужасной ошибкой. Но ярость продолжала нарастать, затуманивая разум, — и он начал понимать: в тот миг у него не было иного выхода. Холод, проникающий в его сердце, изменил его навсегда. Внутри него раздался треск, как будто что-то хрупкое разбивалось вдребезги.

Гнев, как ураган, накрывал его... Ненависть — тёмные облака, сгущающиеся на горизонте. В его душе бушевала настоящая буря. Нет, это была не просто жажда мести — нечто гораздо более глубокое и разрушительное. Каждая клеточка его тела вопила о возмездии, каждая мысль была пропитана горечью. Он ощущал, как внутри разрастается нечто тёмное и первобытное — словно древний зверь, рвущийся на свободу, готовый стереть с лица земли всё, что встанет на пути.

Он больше не был прежним. Теперь он превратился в иное существо — проводника хаоса, воплощение ледяного гнева. Сила текла по его венам, подобно жидкому азоту, — она замораживала воздух вокруг, сковывала чувства, гасила последние искры тепла.

С каждым новым всплеском этой мощи он всё глубже погружался в бездну, где не было места ни состраданию, ни сомнениям, ни жалости. Всё человеческое будто отступало, уступая место чему-то иному.

То, что когда-то связывало его с Каем — тёплые братские чувства, общие воспоминания, смех, пережитые вместе испытания, — теперь казалось далёким воспоминанием. Словно это происходило не с ним, а с кем-то другим, в другой жизни. Между ними теперь разверзлась пропасть — шире океана, глубже самой тёмной ночи. Их миры больше не пересекались, они существовали в разных измерениях, разделённые не только пространством, но и той тьмой, что поселилась в его душе.

Время текло, и вот уже Елена с Каем стали родителями троих чудесных сыновей — таких же добрых, как они сами. А Гай, отступив в тёмные закоулки земли, не терял времени даром. Он, словно змей-искуситель, заманивал людей в свои сети пустыми обещаниями силы и власти. А сам создавал из них ледяную армию для будущей битвы. День сменялся днём, и вместе с этим росли его силы.

И вот в одно солнечное утро он проснулся с диким желанием взглянуть на лицо своей возлюбленной. Приблизившись издалека, он застал картину, полную семейного счастья: Елена и Кай играли со своими детьми в цветистом саду. Внутри Гая вспыхнула такая зависть, неистовая и жгучая, как вулкан, готовый к извержению. И тут он решил, что единственный способ уничтожить это счастье — разрушить

его окончательно. Так началась его безжалостная охота на брата и его семью — охота, которая погрузила мир в хаос и страх.

Минули несколько дней — тихих, почти беззвучных, словно мир затаил дыхание. Эта тишина была обманчива: она таила в себе предчувствие бури. И вот, в глухую, мрачную ночь, Гай, подобно хищному зверю, готовому к прыжку, устремился к замку Кая во главе своей армии. А он тем временем находился в неизведанных землях, добывая ресурсы для своего народа. Как вдруг его крепость, его дом подверглись нападению. Ледяные демоны, как свирепый ураган, сметали всё на своём пути, оставляя после себя лишь бездну разрушений и пустоту.

До Кая стали доноситься крики его людей, и в этот самый миг он осознал, что его отсутствие привело к непоправимой катастрофе. Собрав волю в кулак, он поспешил обратно изо всех сил, так быстро, как только мог. Конечно, он даже не мог вообразить, что битва, ожидавшая его, развернётся в самом сердце его дома.

Прибыв на место, его взору предстала картина, полная хаоса и разрушения. Повсюду лежали безжизненные тела его людей, их лица застыли в выражении страха и боли. Тогда-то его и охватило чувство, которое сложно описать.

— Как же так? Как могло произойти такое?

Лёгкие Кая наполнились воздухом страданий, пропитанным холодом и сыростью, когда он увидел в центре этого ужаса тела своей жены и детей. Елена, некогда светившаяся радостью, теперь лежала безмолвная, а их три сына, ранее полные жизни и невинности, были жестоко убиты и выброшены на землю.

Кай оцепенел, когда встретил взгляд брата. Жгучие слёзы, полные отчаяния, обжигали его щёки, оставляя на коже едва заметные следы. Как же любовь, любовь между мужчиной и женщиной, могла превратиться в такую бурю? Огонь и лёд — начало и конец. Природа, казалось, замерла, как будто сама земля затаила дыхание, ожидая, что же произойдёт дальше. Ветер шептал, и даже деревья, будто в предвкушении, склонили свои головы. Началась битва, в которой кровь с потом смешивались с клубами пыли.

И вот, в конце концов, Кай, истощённый, но не сломленный, как воин, выстоявший в бурю, одержал победу над братом. Но что теперь? Как жить с этим триумфом, когда он обернулся такой тёмной тенью?

С тяжёлым сердцем он поднял свой посох — не просто

оружие, а нечто большее, вылепленное из самой души природы, на верхушке которого возносился кристалл, сверкающий холодным светом, как далёкая звезда.

Тогда Кай и начал древний ритуал заточения. Его пальцы дрожали от страха и боли. Но он знал — это его долг, его обязанность.

— Ты... ты готов? — шептал он самому себе.

Направившись к тому дереву — тому, что их родители посадили в день их рождения, — он, приблизившись, почувствовал: от дерева исходит какая-то странная энергия. Оно словно пульсировало, жило своей жизнью. Это было не просто дерево — оно видело всё: как они росли, как играли вместе, как становились ближе друг к другу. А теперь оно должно было стать тюрьмой для его брата...

Руны на посохе вдруг засветились так ярко, что он невольно зажмурился. Они словно предупреждали его: «Подумай ещё раз. Ты уверен?» Но он знал — пути назад нет. Кай стоял перед выбором, от которого зависела судьба не только его брата, но и всего мира.

Боже, как же тяжело ему дался этот ритуал! Он буквально высасывал энергию из него и его древнего артефакта, чтобы заключить тёмную сущность Гая в ловушку. Каждая клеточ-

ка его тела кричала от боли. Но когда всё закончилось, он понял: это не просто победа. Это жертва, которую он принёс.

Потеря Елены и детей истощила его, и вскоре он начал угасать. Уложив душу в последнее дыхание, он распылил свой дар в северное сияние.

— Ничто не вечно. И если мой брат ступит на эту землю снова, моё могущество достанется трём избранным, — прошептал он, чувствуя, как истекает его время.

С тех пор древо продолжало расти, а Гай мучительно томился внутри, копя ярость. Он знал, что когда-нибудь выйдет на свободу и обрушит свою мощь на всё живое.

Кай покинул этот мир, но его дух навсегда остался в северном сиянии, готовый пробудиться в тех самых избранных. И вот так началась новая глава — полная ожидания и волнений, — когда три особенных человека должны будут объединиться, чтобы встать на защиту мира. Ведь зло, словно пружина, сжимающаяся в ожидании, готовится вырваться на свободу.

Глава 1: Новое начало

Лондон в тот день встречал всех своих жителей привычной ему хмуростью. Небо затянуло тяжёлыми тучами, и даже самые яркие здания казались приглушёнными, будто природа решила смягчить блеск великого города. Это преобразование лишь усилило ощущение таинственности, создав ауру незримого ожидания.

Именно в этот вечер в родильном отделении больницы Святой Марии царил особая атмосфера. Туда прибыли три женщины, такие разные, но было в них кое-что общее: они готовились стать матерями. Правда, не сегодня, нет, да и не в ближайшие пару-тройку месяцев — ведь сроки их родов ещё не подошли. Однако у судьбы на этот счёт были совершенно иные планы. Каждая из них была как отдельная история, как книга, которую так и хочется прочитать.

Первая — ну просто загляденье! Такая хрупкая, нежная, как весенний цветочек. Смотришь на неё — и кажется, что она вот-вот улетит от малейшего ветерка. У неё такие глаза... Знаете, как у тех кукол, о которых в детстве все мечтали? В них столько надежды и какой-то детской наивности. Она словно оберегала свой животик как самое ценное, что у

неё есть. Прямо сердце радовалось, глядя на неё.

Вторая — совсем другая история. Эта дама — просто кремень! Идёт такая, будто весь мир у её ног. Походка уверенная, взгляд твёрдый, как сталь. Сразу видно — она из тех, кто не боится трудностей. Знаете, есть такие люди, которые даже в самой сложной ситуации остаются спокойными и собранными? Вот она именно такая. Беременность её совсем не портит, а, наоборот, делает ещё более величественной.

А третья... Вот это вообще отдельная песня! Такая загадочная, что прямо хочется подойти и спросить: «Кто ты? Откуда? Что у тебя на душе?» Двигается плавно, как кошка, улыбается так, что не поймёшь — искренне или нет. В ней есть что-то такое... магическое, что ли. Смотришь на неё и чувствуешь: есть в её жизни истории, о которых никто не знает.

Я уверена, что врачи до сих пор не могут забыть тот день в роддоме. Всё вокруг казалось каким-то нереальным, будто время замедлило свой ход. Одна охранница, стоя у окна, наблюдала за происходящим, затаив дыхание.

В палате царила какая-то особенная, напряжённая тишина. Только изредка её нарушали приглушённые голоса врачей и медсестёр. А потом вдруг раздавались крики — такие

отчаянные, что у всех окружающих мурашки бежали по коже. Но каждый раз кто-то из медсестёр тут же подходил к роженице и начинал что-то тихо-тихо ей говорить, словно убаюкивая.

Врачи работали как часы — быстро, чётко, без лишних движений. Их лица были сосредоточенными, даже немного строгими. Но в их глазах виднелась тревога: они явно переживали за исход событий. Их руки двигались уверенно, но внутри них бушевала буря эмоций.

Вдруг одна из рожениц затихла. Все замерли. Врачи переглянулись, и в их взглядах промелькнуло что-то такое... Медсёстры не могли понять, что именно, но им стало не по себе. В тот момент они вдруг осознали, насколько серьёзным может быть процесс родов.

В тот роковой день стены больницы словно пропитались болью и отчаянием. Три молодые женщины пришли сюда с верой в лучшее — они ждали детей, строили планы, мечтали о будущем. Каждая представляла себе что-то своё: одна воображала, как будет укачивать малыша на руках под тихую колыбельную, ощущая его тёплое дыхание и чувствуя, как его крошечная ручка обхватывает её палец; другая — как увидит его первые неуверенные шаги, подхватит, когда он оступится, и снова поставит на ножки, гордясь каждым но-

вым шагом; а третья просто хотела прижать к себе своего кроху, вдохнуть запах его макушки и прошептать: «Ты здесь, ты со мной». Но жизнь распорядилась иначе.

Врачи делали всё возможное, боролись до последнего — с упорством, профессионализмом и искренним участием. Они сражались за каждую минуту, за каждый вздох, бросая вызов обстоятельствам, но иногда природа оказывается сильнее. Три женщины ушли, оставив после себя тишину и боль — ту особенную, пронзительную тишину, в которой ещё слышится эхо несбывшихся слов и неспетых колыбельных, будто сами стены помнят эти мечты.

В опустевших коридорах больницы ещё витала память о той отчаянной борьбе: длинные тени на стенах, словно застывшие в движении, едва уловимый запах лекарств, смешавшийся с ожиданием и тревогой. И в такие минуты особенно хочется верить, что смерть — это не просто конец, а, может быть, какой-то иной переход, таинственный и неведомый, словно дверь в другую реальность.

Всё вокруг будто замерло от горя. Время словно остановилось, воздух стал густым и тяжёлым, будто пропитанным невыплаканными слезами. Но потом... Потом что-то изменилось.

В той самой палате, где ещё недавно было так тяжело, что, казалось, сама атмосфера давила на плечи, вдруг раздался первый детский плач — звонкий, живой, настоящий. Он разорвал тишину, как первый луч солнца после долгой ночи. За ним — второй, третий... Казалось, сама судьба подавала знак: не всё потеряно, свет ещё есть, он прорывается сквозь тьму, разгоняет мрак, подобно ростку, пробивающемуся сквозь землю к свету.

Крошечные малыши, такие хрупкие и беззащитные, оказались невероятно сильными. Каждый их вздох, каждое движение — робкое шевеление пальчиков, слабый хватательный жест, едва заметное подрагивание ресниц — дарили врачам и медсёстрам новую надежду. В этих маленьких жизнях, только что начавшихся, было столько света и силы, что даже самые уставшие сердца оттаяли, наполнились теплом и поверили: жизнь продолжается. Она берёт своё вопреки всему, возрождается из пепла боли, напоминая, что свет всегда находит путь даже в самых тёмных уголках.

И знаете что? В эти моменты мы понимаем одну важную вещь. Жизнь — она такая странная штука: может забрать самое дорогое, но при этом подарить что-то новое.

Сейчас врачи, вспоминая всё это, понимают, что эти малыши — они как маленькие лучики света. Они продолжают

жить, расти, дышать. И в этом есть какое-то особое значение. Они — память о своих матерях, доказательство того, что любовь побеждает всё.

Может, это звучит немного сентиментально, но вскоре ты узнаешь, что эти дети принесут в этот мир что-то особенное. Что их появление было неслучайным, что они пришли сюда с какой-то важной миссией.

Этой же ночью, а точнее, ближе к утру, люди, возвращавшиеся домой с тяжёлой работы, вдруг подняли глаза к небу. То, что они увидели, просто лишило их дара речи. Позже станет известно, что в ту же ночь сияние видели в Париже, Риме и даже в далёком Токио — словно мир получил единое послание.

Над Лондоном, городом, который видел столько историй и тайн, раскинулось настоящее чудо — северное сияние!

Представьте: небо вдруг стало таким необычным! Оно заиграло нежными оттенками зелёного и фиолетового — будто художник взял кисть и аккуратно разлил краски по холсту. Световые переливы плавно скользили, танцевали, мерцали — и в какой-то момент показалось, что они хотят что-то сказать. Словно древняя сказка ожила прямо над головой, а небо старается нас успокоить, дать понять: всё будет хорошо.

Люди выбегали на улицы и замирали от восхищения. Кто-то запрокидывал голову и просто смотрел, не в силах оторвать взгляд. Кто-то шептал молитву, а кто-то стоял молча, затаив дыхание, — будто боялся спугнуть это волшебство. Пожилые пары невольно брались за руки, а родители подталкивали детей: «Смотри, смотри же! Запомни это!»

В тот момент всё как будто замерло. Не было ни суеты, ни разногласий — только общее восхищение. Все, будто по негласной договорённости, забыли о своих делах и просто любовались тем, что происходило над ними.

Кто-то говорил, что это знак свыше, что-то важное и судьбоносное. Другие думали — это предвестник перемен, напоминание, что мир не стоит на месте. Но в глубине души все понимали: не так уж важно, что это значит. Главное — мы все вместе увидели что-то по-настоящему волшебное.

Лондон, город с вековой историей, снова удивил своих жителей. Сколько ещё чудес он припас для нас? Кто знает...

Глава 2: Освобождение от оков

Прошло множество столетий с тех пор, как Гай оказался заключён в древе. Мир, некогда потрясённый жестокой битвой двух братьев, унёсшей множество жизней, изменился до неузнаваемости. Земли, когда-то погружённые в хаос, ныне были наполнены миром. На их месте расцвела очаровательная деревушка Ласточка, населённая добрыми и отзывчивыми людьми.

Но за её пределами, на мрачном кладбище, возвышалось огромное дерево, чернее самой мрачной ночи. Люди, проходившие мимо, надолго запоминали его — оно буквально приковало их взгляды. Знаете, бывает такое чувство, когда видишь что-то настолько необычное, что просто не можешь оторвать глаз? Вот именно так они и застывали перед этим лесным гигантом.

Его ствол, извивающийся, словно древнее чудовище, стремился ввысь. Казалось, что это не дерево вовсе, а окаменевшие руки великана, которые он протянул к небесам в безмолвном крике. Каждая трещина в коре, каждый изгиб рассказывали свою историю — грустную, тяжёлую, полную испытаний.

А ветви... Боже, эти ветви! Они напоминали хищные щупальца, готовые схватить любого, кто подойдёт слишком близко. Покрытые старыми ранами и шрамами, они отбрасывали жуткие тени на землю. Когда ветер шевелил листву, тени начинали плясать, словно призраки, и всем проходящим чудилось, будто они слышат их тихий шёпот.

В тот момент их одолевало нечто странное — будто само дерево хранило в себе чьи-то невысказанные страдания. Может, это просто фантазия, но воздух вокруг него был пропитан такой тоской и безысходностью, что по коже побежали мурашки.

До сих пор, вспоминая эти встречи, многие ощущают тот странный холодок внутри. Такое дерево точно не забудешь — оно оставляет след в душе, словно напоминая о чём-то давно забытом и потерянном.

Местные его просто боялись. А приезжие не раз слышали, как люди шептались о нём по вечерам, понизив голос до шёпота. Говорили, что это не просто дерево — оно будто живое, только не так, как всё остальное.

Знаете, какие истории про него рассказывали? Будто бы те, кто подходил к нему слишком близко, исчезали без следа.

Просто уходили на кладбище и не возвращались. И ведь не выдумки это — несколько случаев реально было. А старожилы клялись, что слышали, как оно смеётся по ночам. Да-да, именно смеётся! Как будто насмехается над всеми, кто пытается ему противостоять.

Не раз пытались его спилить — и что? Бесполезно. Словно какая-то сила защищает это проклятое дерево. Стоишь рядом с ним, и такое чувство, будто оно тебя насквозь видит. Величественное, мрачное, совершенно не похожее на обычные деревья.

Сейчас вокруг уже небольшое село выросло, жизнь идёт своим чередом. Но тень тех старых легенд всё ещё лежит на этих местах. Как будто невидимая граница между прошлым и настоящим. И знаете что? Иногда я думаю, что это дерево — оно как предупреждение. Напоминает нам, что даже в самых спокойных местах может прятаться что-то тёмное и зловещее. И никогда не знаешь, когда оно решит показать своё истинное лицо.

В этой деревушке жизнь текла своим чередом. По утрам мужики собирались на озере с удочками, а женщины возились в огородах, выращивали овощи да цветы. Всё как у людей, спокойно, размеренно. Но, несмотря на искренние радости повседневной жизни, рядом притаилось нечто злове-

щее.

Родители строго-настрого запрещали детям даже близко подходить к нему. «Там опасно, не ходите туда», — говорили они, и в их глазах читался неподдельный страх. Но чем больше запрещали, тем сильнее разгоралось любопытство. Ребята часами обсуждали это дерево, строили догадки, что же там, за его мрачными ветвями.

Каждый день они придумывали новые истории про это место, и с каждым днём желание проверить, правда ли там происходят странные вещи, становилось всё сильнее. Особенно одному из них, который был заводилой компании, — мальчишка по имени Боб, самый смелый из всех.

В тот вечер всё началось с обычного спора. Все травили байки и хвастались друг перед другом, кто что может. И тут Боб, вечный заводила, возьми да и ляпни, что пойдёт один на старое кладбище. Мол, фигня это всё — страшилки про призраков и прочую нечисть.

Все, конечно, удивились такой решимости. Кладбище это было известное — даже днём-то туда мало кто совался, а уж ночью... Но Боб был упёртый — если что в голову втемяшится, не отговорить.

— Ну что, пацаны, слабо? — ухмылялся он, глядя на их вытянутые лица.

А все-то понимали — дело пахло жареным. Но гордость не позволяла отступить. В итоге Боб, под их недобрые взгляды и предупреждения, поплёлся в сторону кладбища. А все остались ждать, нервно поглядывая на часы.

Минут через сорок стало не по себе. Потом час... Два... Время ползло, словно старая черепаха, переваливаясь с боку на бок. А Боба всё не было. И тут до них дошло — что-то пошло не так. Очень не так.

Они переглянулись, и в глазах каждого читался один и тот же вопрос: «Куда же ты подевался, Боб?»

Но сказать родителям они решились только спустя долгие часы мучительных ожиданий. Тогда вся деревня на ушах стояла. Полицейские день и ночь шастали по улицам, местные мужики с фонарями прочёсывали окрестности. Кричали, звали Боба, но в ответ только тишина.

Такое чувство было, будто парень сквозь землю провалился. Ни следа, ни зацепки — ничего. После этого случая все в Ласточке будто притихли, затаились. Какая-то тяжёлая атмосфера повисла над деревней, от которой до сих пор холо-

док бегают по коже.

Родители Боба долго не выдержали. Как ни пытались остаться, как ни цеплялись за родной дом — не смогли. Слишком больно было здесь, слишком много воспоминаний. Собрали вещички и уехали куда глаза глядят. А дом их так и стоит пустой, словно призрак, напоминающий о той трагедии.

А ведь друзья Боба до сих пор себя винят. Многие помнят, как они потом ходили — бледные, молчаливые, будто тень отца Гамлета за ними гонялась. Каждый из них понимал, что их глупый спор привёл к такой страшной беде. Теперь-то они знают, что не всё можно объяснить смелым поступком или желанием показать себя перед сверстниками.

После этого случая про кладбище и говорить боялись, не то что ходить туда. Все эти детские байки про призраков и нечистую силу вдруг обрели какой-то новый, пугающий смысл. Ребята повзрослели в одночасье, поняли, что некоторые места и истории лучше оставить в покое. И что цена за любопытство иногда бывает слишком высокой.

Знаете, как бывает — время лечит. Вот и здесь так же. Постепенно боль притупилась, а Боб словно растворился в памяти, став чем-то далёким и почти нереальным. Деревня

потихоньку возвращалась к своей привычной жизни.

Мужики, не сговариваясь, взялись за дело — соорудили отличную детскую площадку. Качели, горки — всё как полагается, яркое, красочное. Теперь родители могли хоть немного успокоиться, наблюдая, как их чада резвятся на новом месте.

Но странное дело — где-то там, в самой глубине души всё ещё пряталась тревога. Она не давала покоя, особенно в минуты тишины и спокойствия. Словно тень прошлого всё ещё маячила где-то на краю сознания, напоминая о себе. Никто не мог с уверенностью сказать, что всё плохое осталось позади.

А среди детей особенно выделялась одна малышка — Ханна. Совсем недавно, недели три назад, она с родителями переехала в деревню. Семь лет — возраст, когда душа ещё чистая, не запятнанная злом. И эта девчушка будто излучала свет своей добротой и желанием помогать всем вокруг.

Знаете, что меня всегда поражало в Ханне? Её неугасимая энергия и желание всем помочь. Бегала как заводная, бралась за любое дело, даже если оно казалось совсем не по зубам. И ведь справлялась же! Прямо удивляешься иногда — как у неё это получается?

Когда она чем-то занималась, всё вокруг будто оживало. Смотришь на неё — и чувствуешь, как внутри теплеет. Такая она была — вся в движении, с огоньком в глазах. Люди к ней тянулись, а она и рада стараться, всем помочь норовит. Прямо чудо-ребёнок, не иначе.

Но вот что любопытно — была у неё одна причуда. Всё тянуло её к старому дереву на краю кладбища. Странное оно какое-то — мрачное, будто не от мира сего. И чувства у Ханны к нему были противоречивые: то жалость накатит, то вдруг злость необъяснимая. Сама не могла понять, что с ней происходит, когда мимо него с родителями проходила.

А в ту ночь... Ох, до сих пор мурашки по телу. Такой густой туман опустился — ничего не видно. Тишина такая, что даже птицы не пели. И в этой тишине будто что-то назревало, что-то недоброе. Как предчувствие какое-то — будто знала деревня, что грядет что-то страшное, способное всё перевернуть с ног на голову.

Этой ночью Ханна проснулась в холодном поту. Ей приснился такой странный сон, что она никак не могла его забыть. Будто старое дерево молило её о помощи, протягивая свои ветви как руки. Сон был настолько реалистичным, что у неё защемило сердце.

Она, лёжа в кровати, никак не могла выкинуть эту картину из головы. Что-то внутри подталкивало её проверить, всё ли в порядке с ним. Родители мирно сопели в своей постели, а она, накинув куртку, тихонько выскользнула на улицу. Сама не понимала, что делает, но ноги словно сами несли её к тому самому дереву.

Лунный свет превратил его в настоящий монумент. Чёрные ветви казались когтистыми лапами, застывшими в воздухе. Ханна подошла ближе, чувствуя какое-то необъяснимое родство с этим могучим старцем. Ей вдруг показалось, что дерево действительно нуждается в её поддержке. Не раздумывая, она обняла шершавый ствол, надеясь передать ему своё тепло.

Но тут случилось что-то невероятное. Как только её руки сомкнулись вокруг ствола, она почувствовала леденящий холод. Будто сама тьма начала высасывать из неё жизненные силы. Тело предательски отказывалось повиноваться. Она пыталась отпрянуть, закричать, но всё было бесполезно. Паника охватила её, но она не могла даже пошевелиться.

«Что же я натворила?» — промелькнуло в её голове, прежде чем тьма окончательно поглотила её сознание.

То, что произошло дальше, заставило бы содрогнуться даже самых отважных. Гай, который столько лет провёл в этом проклятом дереве, вдруг почувствовал, как его древняя сущность встрепенулась. Словно кто-то наконец-то открыл давно запертую дверь его темницы.

Он наблюдал, как душа Ханны, чистая и светлая, медленно растворяется в древесных жилках. Её тело оставалось прежним, но теперь в нём билось его сердце, его душа. Он вспомнил тот роковой день, когда его собственное тело было уничтожено в схватке с братом — казалось, это было целую вечность назад.

Сейчас, пусть и не полностью восстановив свои силы, он чувствовал, как в нём просыпаются давно забытые желания. Мечь... Она всё ещё была жива в его сознании, пульсировала, как открытая рана. И теперь, глядя на юное тело, которое стало его новым домом, он понимал — это его шанс.

Самое ироничное во всей этой истории было то, что невинная девочка, сама того не подозревая, стала его освободительницей. А небо... Оно словно почувствовало возвращение древнего зла и вспыхнуло странным, неестественным светом, похожим на северное сияние.

— Я вернулся, чтобы отомстить, — эти слова сами собой

сорвались с губ, и голос его звучал так, будто сама земля стояла от боли. Внутри него всё трепетало от предвкушения.

Теперь он знал — ничто и никто не остановит его на пути к возмездию. Древний повелитель хаоса и разрушения вернулся, чтобы вершить свои порядки.

С каждым мгновением воспоминания о войне с братом становились всё ярче, и внутри него закипала ярость. Как они могли? Как эти люди осмелились встать на сторону Кая? Эта мысль разъедала его изнутри, словно кислота, разъедая остатки бывшего доверия.

В какой-то момент ярость переросла в нечто большее. В его сознании начала формироваться страшная идея — призвать тьму. Ту самую тьму, что способна поглотить всё живое на этой земле. Всё, что вызывало в нём такую жгучую ненависть. Тьма казалась единственным решением, способным утолить его жажду мести.

Но реальность оказалась жестокой. Юное тело девочки было слишком хрупким для воплощения такого масштабного замысла. Ему пришлось смириться с неизбежным — придётся прожить жизнь обычного ребёнка. Только так он сможет восстановить утраченную мощь, вернуть себе былую силу, необходимую для исполнения задуманного.

Но мысль о том, что придётся ждать, пока юное тело окрепнет, терзала его душу. Он томился в ожидании, мечтая лишь об одном — поскорее обрести силу и приступить к исполнению своего плана.

В глубине души он тешил себя надеждой, что всё сложится легко и просто. Ведь брат мёртв, а значит, никто не встанет у него на пути. Никто не защитит этот жалкий мир от его возмездия. О, как же наивен он был в своих предположениях!

Судьба приготовила ему неприятный сюрприз. То самое северное сияние, что озарило небо в миг его возвращения, стало началом чего-то куда более значимого. Оно породило на свет трёх юношей — избранных, о существовании которых он даже не подозревал. И это открытие обещало перевернуть все его планы с ног на голову.

Но их сила проснётся лишь в тот миг, когда Гай вновь обретёт свою прежнюю мощь — вот в чём был весь смысл. Кажалось бы, простая истина, но от этого не менее пугающая. И ведь правда — впереди человечество ожидало страшную войну, война, которая призовёт ту самую тьму, о которой множество столетий назад и предупреждал отец Елены...

Глава 3: История избранных

Судьба порой преподносит такие сюрпризы, от которых захватывает дух. Вот и с тремя малышами случилось нечто невероятное. Трое крох, оставшихся без материнской заботы, словно по волшебству оказались в разных концах света. Казалось бы, их пути разошлись навсегда, но жизнь полна удивительных совпадений...

Первому повезло больше всех. Его родной отец, Роберт, не раздумывая, взял ответственность на себя, назвав малыша Каледом. Он до сих пор вспоминает тот день, когда его сын впервые оказался на шумных улицах Лондона. Город буквально оглушил его — столько людей, машин, а витрины магазинов так и сверкали всеми цветами радуги. Калед, наверное, был в шоке от такого зрелища, но эти яркие огни стали для него чем-то вроде путеводной звезды в новой жизни. Столица никогда не затихала, и это было так непривычно после тишины больничной палаты.

А второму малышу повезло встретить Эллу и Зака — самых настоящих ангелов во плоти. Они приняли его в свою семью и дали прекрасное имя — Томас. Знаете, есть такие люди, которые излучают доброту — вот Элла с Заком бы-

ли именно такими. Они подарили ребёнку не просто крышу над головой, а настоящее семейное тепло, о котором он, возможно, и не мечтал. Чикаго встретил Томаса своими небоскрёбами, которые казались игрушечными, но на самом деле были огромными. Шумные улицы, вечно куда-то спешащие люди — всё это стало для мальчика новым приключением. Каждый день приносил что-то интересное, и постепенно город становился для него родным, словно он здесь родился и вырос.

А третий из них, Александр, обрёл семью благодаря своей тёте Марии. Москва встретила его своими золотыми куполами и старинными улочками, хранящими вековые тайны. В этом городе, где прошлое переплетается с настоящим, началась его удивительная история.

Все трое росли не по дням, а по часам. Учёба давалась им легко, будто сама судьба помогала раскрыть их таланты. Забавно, как по-разному складываются судьбы даже тех, кто вроде бы должен быть похожим. Взять, к примеру, наших ребят — в школе они были как три капли воды: одни оценки, похожие увлечения. Но стоило копнуть глубже, заглянуть в их души, как становилось ясно — разные они, совершенно разные!

Калёб тот вечно витал в облаках. Настоящий мечтатель

с горящими глазами и неуёмной энергией. Мог часами рассуждать о каких-то невероятных проектах, строить воздушные замки и заражать всех вокруг своим энтузиазмом. Мальчик был подобен огню. Как пламя, он был неутомим и подвижен: никогда не стоял на месте, постоянно генерировал новые идеи и стремился к движению вперёд.

А Томас, наоборот, был тем самым голосом разума. Практичный до мозга костей, он всегда помогал воплотить мечты в реальность. Он был как вода: спокойный и уравновешенный — его рассудительность и хладнокровие помогали находить выход из любой ситуации.

Александр же был совсем из другой оперы. Этот парень жил красотой во всех её проявлениях. Он замечал то, чего другие просто не видели: игру света в каплях дождя, причудливые тени на стенах, гармонию в кажущемся хаосе городской суеты. Мальчик будто олицетворял воздух: незаметный и вездесущий — присутствовал везде, но не бросался в глаза, замечая то, что ускользало от других.

Но знаете, что удивительно? В каждом из них была своя изюминка, какой-то особенный блеск. Что-то такое, что делало их неповторимыми, не похожими ни на кого другого. словно внутри каждого горел свой особенный огонёк, который освещал их путь и притягивал к ним людей.

Глава 4: Калёб

Знаете, Калёб был из тех парней, от которых просто невозможно оторвать взгляд. Высокий, подтянутый, с копной тёмных волос и таким взглядом карих глаз, что казалось, будто он видит тебя насквозь. Но дело было не только во внешности — от него просто веяло какой-то особой энергией.

А характер у него с детства был — огненный! Его бабушка часто любила вспоминать это за разговором со своими подругами, как её внучок, ещё в садике, заступался за каждого, кто не мог постоять за себя. И не важно, что противник был больше или сильнее — Калёб никогда не отступал. Наверное, поэтому ребята его так уважали и всегда выбирали главным в играх.

Больше всего времени в детстве он проводил с бабушкой Изабеллой. Хотя ей уже было под семьдесят, она оставалась удивительно бодрой и весёлой. Представляете, эта хрупкая старушка с седыми волосами, собранными в пучок, могла так заразительно смеяться, что все вокруг начинали улыбаться! А её глаза — такие пронзительно-голубые, с морщинками в уголках — просто светились добротой.

Когда Калёб рассказывал ей о своих победах или просто дурачился, она расцветала прямо на глазах. Даже когда у неё что-то не получалось по хозяйству, стоило внуку улыбнуться — и все проблемы словно растворялись в воздухе. Они были настоящей командой — всегда поддерживали друг друга. Казалось, живя в такой гармонии, больше не было нужды мечтать о чём-либо. Или я ошибаюсь?

Но вот отец Калеба, Роберт, выглядел куда серьёзнее. Тёмные волосы уже изрядно поседели, а на лице читалась такая усталость... Работа шерифа — она ведь не сахар. Поэтому он и отдал сына на воспитание своей матери, а сам забирал мальчика по мере возможностей или желаний.

Изабелла стала для Калеба всем — и мамой, и бабушкой, и самым близким другом. Каждое утро начиналось с её нежной улыбки и тёплого объятия. Она знала все его страхи и мечты, могла успокоить одним взглядом и заставить смеяться даже в самый пасмурный день. А когда наступали выходные и нужно было ехать к отцу, сердце мальчика сжималось от тоски. И вряд ли кто-либо мог его осудить за это.

Дом Роберта казался Калебу чужим и холодным. Отец вечно пропадал в делах, а сын часами просиживал перед телевизором, чувствуя себя ненужным. Мальчик пытался привлечь внимание, но всё было тщетно — работа для Роберта

всегда оставалась на первом месте.

Смерть жены навсегда изменила Роберта. Он словно замёрз внутри, не позволяя себе новых чувств. Даже ради сына не смог переступить через свою боль и одиночество.

Четырнадцать лет — возраст, когда мир кажется вечным и неизменным. Но в один ужасный день всё рухнуло. Изабелла ушла, и вместе с ней из жизни Калеба исчезло всё, что делало её яркой и полной смысла. Она была его опорой, его хранителем, его вселенной. Тогда он и познал настоящее горе.

Дождливый день похорон отпечатался в памяти навсегда. Кaleb застыл у гроба, задыхаясь от подступивших слёз. Его глаза были полны невыразимой боли, а в душе царила пустота. Казалось, весь мир остановился, и только сердце продолжало биться, раз за разом напоминая о невосполнимой утрате. Вокруг толпились люди, шептали слова соболезнования, но для Калеба они словно растворились в воздухе. Он был один, совершенно один в этом океане горя. Горло сдавило спазмом, и слова, которые он так хотел произнести, застряли где-то внутри, превратившись в острые осколки страдания.

Не в силах больше терпеть эту невыносимую муку, Кaleb сорвался с места и бросился прочь. Его ноги сами понесли его в тёмную чащу леса. Он бежал, не разбирая дороги, спо-

тыкался о корни деревьев, падал, поднимался и снова бежал. Слезы ручьём лились по щекам, обжигая кожу, но он упрямо стискивал зубы, стараясь не дать боли окончательно поглотить его. Влажный воздух леса, пропитанный запахом прелой листвы и хвои, теперь казался чужим и враждебным.

В голове, словно заевшая пластинка, снова и снова прокручивалась сцена погребения: как медленно опускается в землю гроб с телом Изабеллы, как комья влажной земли глухо ударяют по крышке. Его охватила такая острая боль, что, казалось, сердце вот-вот разорвётся.

Гнев и скорбь сплелись в тугой узел в груди, сдавив дыхание. Тело начало гореть изнутри, словно в венах закипала кровь. Он почувствовал, как тепло разливается по мышцам, наполняет каждую клеточку странной, почти болезненной энергией. Вены пульсировали, кожа нагревалась, а внутри нарастало какое-то странное, почти парализующее напряжение.

И вдруг из его груди вырвался первый язык пламени — яркий, пылающий. В тот момент мир вокруг перевернулся с ног на голову. Огонь, будто живой монстр, набросился на лес, пожирая всё на своём пути. Огненные щупальца извивались, будто пытаясь схватить каждую ветку, каждое дерево. А он стоял посреди этого безумия, не веря своим глазам

— пламя словно играло с ним, обходя стороной.

Внутри нарастало странное, почти пугающее чувство. Он ощущал себя другим — каким-то особенным, словно наделённым сверхъестественным даром. Огонь должен был сжечь его заживо, но вместо этого в теле появилась какая-то удивительная сила. Казалось, что он вот-вот взлетит — настолько лёгким и воздушным стало всё вокруг.

В воздухе витал густой запах дыма, смешанный с острым ароматом горящей смолы и хвои. Деревья трещали, словно кто-то играл на жуткой музыкальной шкатулке, а сердце колотилось в груди в унисон с пляшущими языками пламени.

Мальчик застыл на месте, будто его заколдовали. Дыхание перехватило от страха, но какая-то неведомая сила не давала сдвинуться с места. Но вдруг дым стал таким плотным, что ничего не было видно.

Роберт, как будто очнувшись от сна, понял, что сына нигде нет. Страх за ребёнка придавал ему сил — не думая о собственной безопасности, он ринулся прямо в самое пекло, туда, где бушевало пламя, где был его сын.

Он вытаскивал мальчика из огненного ада, не чувствуя боли от ожогов, которые покрыли всё его тело. Когда он уви-

дел, что Калев цел и невредим, хотя только что стоял в самом центре пожара, его разум отказывался это принимать. Как такое вообще возможно? Что это было — чудо или какое-то необъяснимое явление?

После похорон жизнь изменилась навсегда. Переезд к отцу стал для Калеба настоящим кошмаром. Казалось, что они с Робертом говорят на разных языках, живут в разных мирах. Каждое утро начиналось с тяжёлого молчания, каждый вечер заканчивался невысказанными обидами.

Они спали под одной крышей, но были как чужие. Калев ловил себя на мысли, что даже в пустой комнате чувствует присутствие отца — его неодобрительный взгляд, его тяжёлое дыхание.

Но Изабелла, понимая, что придёт её час, не могла не позаботиться о своём внуке. Она составила завещание так, что после смерти её дом и часть кафе перейдут к внуку, но лишь тогда, когда наступит его совершеннолетие. И этот дом был для Калеба не просто домом, а последней связью с бабушкой, её любовь, воплощённая в кирпичах и стенах.

Правда, боль от потери, пропитавшая его душу, не позволила ему пересечь тот порог. Он до смерти боялся тех странных чувств, которые охватили его в лесу. И не только чувств

— он боялся того, что могло последовать за ними. Ведь глубоко внутри он знал: то, что случилось с огнём, было не просто случайностью. Это было чем-то большим, чем-то, что жило в нём самом.

С каждым годом Калеб и Роберт всё больше отдалялись друг от друга. Их отношения превратились в бесконечную череду недопонимания. После смерти бабушки Калеб совсем изменился. Он словно сорвался с цепи — дерзкий, бесстрашный, неудержимый. В школе он был звездой футбола, капитаном команды и жил как на пороховой бочке: днём носился по полю с мячом, а вечером зажигал на шумных вечеринках, ловя каждый момент своей молодости.

Он вообще не знал слова «страх». На поле вёл себя как настоящий безумец — бросался в самые опасные атаки, не думая о последствиях. А с друзьями вечно придумывал какие-то дерзкие затеи, от которых у всех волосы дыбом вставали.

Его отец, Роберт, только руками разводил — мол, пусть делает что хочет. Спорить с таким характером было всё равно что биться головой об стену.

Он понимал, что никогда не сможет заменить Калебу его бабушку, подарить ему ту любовь и заботу, которые давала

Изабелла. А может, он просто привык прятаться за работой — только там боль от потери любимой немного утихала. Где-то в глубине души он даже винил Калеба в смерти Изабеллы — ведь именно рождение сына стоило ей жизни.

По вечерам он пытался поговорить с Калебом, но всё сводилось к паре фраз за ужином. Парень отчаянно нуждался в отцовском одобрении и поддержке, но вместо этого каждый разговор с Робертом превращался в бесконечную лекцию об успеваемости и череду упрёков. Сердце мальчика сжималось от разочарования, ведь он так мечтал о простом понимании.

Совсем другое дело — его верные друзья! Высокий голубоглазый блондин Джейк с его ослепительной улыбкой всегда был рядом. А коренастый брюнет Гарри, украшенный россыпью весёлых веснушек на носу, никогда не подводил. С ними Калеб чувствовал себя по-настоящему живым.

Он стал для них не просто другом — настоящим предводителем. И ребята с радостью принимали его лидерство. Джейк с энтузиазмом поддерживал любые начинания, а Гарри, обладая острым умом и способностью просчитывать всё наперёд, помогал превращать самые безумные идеи в продуманные планы. Вместе они были непобедимы. Друзья устраивали такие выходки, что весь школьный коллектив только диву давался.

Сначала они разрисовали стены школы огромными граффити с надписью «Свобода», чем привели учителей в неистовое негодование. Не останавливаясь на достигнутом, как-то раз они заменили все объявления в школе на фальшивые — теперь там сообщалось о внезапных каникулах и отмене всех контрольных. Когда в школе объявили день строгого дресс-кода, наши проказники решили устроить настоящий перформанс. Калёб, Джейк и Гарри заявили в школу в костюмах супергероев — кто бы мог подумать! — и с самым невинным видом заявили, что в школьном уставе ни слова не сказано про запрет на маски и плащи. Директор был в шоке, но поделать ничего не мог.

Но самое грандиозное представление ребята устроили на финальном матче учебного года. Ох, и натворили же они тогда дел! Каким-то невероятным образом умудрились подсыпать слабительное игрокам из команды-соперника. Что тут началось! Поле превратилось в настоящее цирковое представление, от которого даже самые серьёзные учителя не могли сдержать улыбки, старательно пряча их за ладонями.

После этого случая терпение школьной администрации окончательно лопнуло. Такого уморительного, но в то же время возмутительного представления школа ещё не видела.

Калеб был просто безбашенным — вечно лез на рожон, и друзья за ним как привязанные. Но что удивительно — их крепкая дружба всегда выручала, даже когда казалось, что всё, конец.

Роберт, конечно, обо всём узнавал. Пытался достучаться до сына, объяснить, что за всё приходится платить. Но толку-то — Калеб только кивал, а сам думал о следующем трюке. С одной стороны, он зажигал на футбольном поле, с другой — вечно вляпывался в истории с друзьями. Внутри у него всё больше росла какая-то каша.

По ночам парень ворочался без сна, прокручивая отцовские слова. Где-то в глубине души он понимал, что папа прав. Но злость закипала: кто он такой, чтобы указывать? Калеб хотел доказать всем — и отцу, и себе, — что чего-то стоит. И чем больше пытался это сделать, тем дальше они отдалялись.

Он лежал и думал: как найти золотую середину между тем, чтобы тебя слышали, и тем, чтобы не потерять себя? Представлял, как вырастет, станет независимым, свободным. Но чем больше думал, тем больше запутывался.

Его бунтарская натура только разгоралась, а жажда свободы становилась всё неукротимее. Он не понимал, почему

простое желание быть собой вызывает столько противоречий. Почему путь к самостоятельности такой тернистый?

Со временем он начал подзабывать про тот случай в лесу — списал всё на обычную грозу. Но по ночам всё равно фантазировал: а что, если бы он правда мог управлять огнём? Чего бы тогда добился?

Его взгляд то и дело возвращался к пожелтевшей фотографии на стене. На ней была бабушка — такая родная, с той самой тёплой улыбкой, от которой всегда становилось легче на душе. Её глаза, полные любви и понимания, словно смотрели прямо в душу, и Кaleb невольно задумывался: а будет ли в его жизни человек, который сможет так же искренне любить его?

В эти моменты сердце сжималось от тоски. Он так мечтал о простом человеческом тепле, о том, чтобы кто-то просто поверил в него, поддержал, обнял.

Глава 5: Томас

Теперь я расскажу вам про второго парня, который по воле судьбы оказался в Чикаго — Томаса. Высокий такой блондин, худенький, с глазами цвета ясного неба. Вечно спокойный, послушный — прямо мечта родителей! А родители у него, кстати, ого-го — адвокаты с большой буквы, их в городе все уважали.

Мама его, Элла, была той редкой женщиной, с которой сразу хотелось подружиться. Такая вся душевная, с добрым взглядом и улыбкой, от которой на сердце теплело. Одевалась она просто, без всяких там выкрутасов — но со вкусом, знаете ли. И при всей своей мягкости была она умницей — любую задачку могла решить, любую проблему уладить.

А папа, Зак, вообще был загляденье! Спортивного телосложения блондин с такой осанкой — все соседки им восхищались. Смотришь на него — и сразу видно: человек с характером. Сильные руки, уверенный взгляд — настоящий мужик, что тут скажешь.

И эти двое мечтали, что Томас пойдёт по их стопам. Честным растили, трудолюбивым, к знаниям тянули. «Томас, сы-

нок, ты должен стать адвокатом!» — твердили они. И ведь не просто так — хотели, чтобы он их дело продолжил, чтобы фамилия в юридических кругах так же гремела.

В общем, обычная история про родителей и их большие планы на ребёнка. Только вот что из этого вышло — это уже совсем другая история...

Зак и Элла серьёзно подошли к физическому развитию Томаса. Они не просто так его в спорт отдали — понимали ведь, что это не просто хобби, а способ вырастить характер. Особенно они настаивали на плавании: если сын добьётся чего-то серьёзного в этом деле, то и в юридический потом проще будет поступить.

Ведь, как мы все знаем, университеты любили набирать в свои ряды выдающихся спортсменов. А знаете, почему так любили они это дело? Да потому что те показывали не только отличную физическую подготовку, но и то, что очень важно для студента — целеустремлённость, дисциплину и умение доводить дело до конца.

Томас и правда ценил всё, что родители для него делали — и дом уютный, и заботу. А больше всего он уважал их за откровенность: они не стали скрывать факт его усыновления, и за это он был им благодарен больше всего. Он рос

добрым парнем — вечно помогал соседским ребятам, учил их читать, делился всякими знаниями.

И вот благодаря своему упорству и труду он добился высот — стал лучшим пловцом в городе! А после такого достижения, как вы и сами понимаете, двери в университеты сами собой открылись.

Иногда казалось, что Элла и Зак просто с ума посходили от своей «заботы». Они как будто решили, что лучше их сына знают, чем ему заниматься. «Только плавание, и точка!» — твердили они, будто это панацея от всех бед. А на всё остальное смотрели как на детские глупости: «Какие там марки, какие самолётики? Ты что, в игрушки играешь?»

Бедный Томас только и слышал про своё великое будущее, которое зависело исключительно от плавания, а ведь в душе он мечтал совсем о другом — стать врачом. Но родители будто специально делали вид, что не слышат его. «Юриспруденция — вот это дело! — говорили они за ужином. — А медицина... ну что медицина?» И так каждый вечер: законы, суды, адвокаты... Томас уже начал сомневаться, а вдруг они правы?

Школа легла на него тяжким бременем. Томаса с его другом Джеком все считали заучками. «Ботаники», «зануды» —

это ещё самые мягкие прозвища, которые они слышали. Одноклассники их просто терроризировали, каждый день придумывая новые способы поиздеваться. Но Томас и Джек держались вместе, ведь друзья познаются в беде, правда?

Томас был тем самым парнем в старомодных рубашках, которые, казалось, достались ему от дедушки. В его руках постоянно можно было увидеть стопку учебников — он никогда не расставался с ними. А рядом с ним всегда находился его закадычный друг — коренастый паренёк с рыжей копной непослушных волос и в очках с такими толстыми стёклами, что глаза за ними казались вдвое больше.

Одноклассники только крутили пальцем у виска, глядя на эту парочку. «Ну что за чудаки!» — думали они. Вместо того чтобы гонять мяч или болтать о девчонках, эти двое днями и ночами корпят над учебниками, мечтают стать врачами и даже лягушек препарируют ради науки.

«Эй, вы опять за своё? Опять будете резать лягушек?» — раздавалось за их спинами ехидное перешёптывание. Но Томасу и его другу было всё равно. Они знали, что их путь — это путь к мечте, пусть даже никто вокруг этого не понимает. Прозвища «доктор Менгеле» и «профессор Зануда» прилипли к парням намертво, но они продолжали идти к своей цели, не обращая внимания на окружающих.

После уроков они запирались в школьном кабинете биологии, где проводили свои первые опыты. Их эксперименты на животных, найденных в лесу, вызывали у остальных только новые колкости. «Опять своих зверюшек лечат, недоврачи», — слышалось то и дело. Но это не останавливало Томаса и Джека.

Кролики, хомяки и раненые птицы становились их подопытными. Представляете, эти двое настоящих энтузиастов буквально заболели медициной! Они перерыли все учебники по ветеринарии и медицинские справочники, которые только смогли найти. И знаете что? Они реально пытались лечить всяких зверушек и даже людей, хотя, конечно, не всё у них получалось. Но разве это их останавливало?

Их страсть к медицине была просто невероятной! Они даже оборудовали свой собственный мини-медицинский центр в подвале дома Джека. Там у них была настоящая аптечка, бинты, всякие медицинские штучки — всё как у настоящих докторов, только в уменьшенном формате.

И знаете, что самое удивительное? Даже маленькие победы придавали им столько сил и уверенности! Поймают они, например, раненого воробья, подлечат его — и уже на седьмом небе от счастья. Каждый такой случай только укреплял

их веру в себя.

Они были твёрдо убеждены: всё это не просто детские забавы. Да, сейчас над ними могут посмеиваться, считать их увлечение ерундой. Но они-то знают — пройдёт время, и именно они станут теми врачами, к которым люди будут приходить за помощью. И тогда посмотрим, кто будет смеяться!

Четырнадцатый день рождения Томаса должен был стать просто невероятным праздником! Родители с его лучшим другом Джеком придумали отличную идею — отпраздновать в боулинге. Там было так здорово: яркие огни мигали, играла весёлая музыка, все вокруг веселились и радовались. Казалось, что весь мир остановился, чтобы подарить Томасу этот волшебный момент.

Но вот веселье закончилось. Джека забрал домой папа, и Томас с родителями тоже засобирались. Они решили срезать путь через тихий переулок — ничего особенного, обычная дорога домой. Только вот переулок оказался не таким уж тихим...

В темноте, там, где уличные фонари почти не светили, их поджидали двое каких-то бандитов. И не просто так стояли — у них в руках было оружие! Их глаза зловеще поблёскивали в полумраке, а когда они заговорили, их голоса прозвучали

чали так хрипло и страшно, что у Томаса внутри всё похолодело. Они хотели ограбить их... В такой день, в его день рождения...

Зак, отец Томаса, человек несгибаемого характера и непоколебимой воли, не мог допустить, чтобы его семью запугали. Он шагнул вперёд, готовый защищать своих близких любой ценой. Но судьба оказалась жестокой: один неверный шаг, одно резкое движение — и воздух разорвал оглушительный выстрел.

Элла, мать Томаса, закричала, её голос застрял в горле, превратившись в хриплый стон. Она рухнула на холодную землю, её глаза, полные непередаваемого ужаса и безысходного отчаяния, встретились с взглядом сына. Время замедлилось, каждая секунда растягивалась в вечность.

Томас почувствовал, как земля уходит из-под ног. Его сердце готово было разорваться от боли. В этот момент что-то странное начало происходить с его руками. Сначала он ощутил лёгкое покалывание, словно тысячи маленьких иголок пробежали по венам. Затем его ладони стало жечь всё сильнее, а в воздухе появился едва уловимый запах свежести, как после сильного дождя.

Зак бросился к жене, закрывая собой её бездыханное те-

ло. И тут случилось что-то совершенно невероятное, прямо как в кино! Томас вдруг почувствовал, как из его рук хлынула вода — настоящая, живая вода! Она била мощными струями, будто кто-то открыл невидимый кран прямо внутри него.

Томас сам не понял, как это произошло, но эти водяные потоки с такой силой ударили по бандитам, что у тех оружие из рук вылетело! А сами они как будто прилипли к земле — их словно водоворотом прижало.

Парень стоял и не мог поверить своим глазам. Он чувствовал, как по всему телу течёт какая-то странная энергия. Его руки начали светиться голубым светом, а вода слушалась малейшего движения! Томас никак не мог осознать, что происходит, но одно он знал точно: эта сила появилась, чтобы защитить его родных.

Вокруг начало происходить что-то странное: мир как будто потемнел, звуки стали затихать, словно их кто-то приглушил. В душе у Томаса образовалась какая-то пустота, огромная и холодная. В этот момент он вдруг понял — его детство закончилось, закончилось навсегда.

Всё, во что он верил раньше, казалось таким наивным и далёким. Но вместе с этой темнотой в нём пробудился ка-

кой-то невероятный дар. Теперь он знал: эта сила поможет ему защищать тех, кого он любит. И пусть это звучит безумно, но Томас чувствовал — он больше не обычный парень. Он стал кем-то другим, особенным.

Вскоре примчалась полиция — сирены, мигалки, всё как положено. Полицейские выскочили из машин, огляделись и начали хватать тех самых бандитов. А потом, как присмотрелись, да и замерли в немом молчании — все вокруг мокрые, как мыши! Зак и эти горе-нападавшие — все насквозь промокли, будто в бассейне искупались. Лишь только Томас был сухим, что, конечно, удивило окружающих.

Нападавшие, пока их в патрульную машину сажали, всё пытались что-то рассказать про пацана, который, мол, воду из рук пускал и их так уделал. Но полицейские только переглянулись да посмеялись — ну кто ж в такое поверит? Прямо сказка какая-то!

А отец Томаса вообще был сам не свой. В голове у него всё перемешалось, как будто кто-то взял и стёр часть воспоминаний. Он помнил какие-то обрывки — то одно, то другое, но сложить всё в единую картину никак не получалось. Сидит, растерянный, и глазами хлопает, пытаясь понять, что вообще произошло в этот проклятый вечер, в вечер, который отнял у него жену.

В его сознании миг происшествия превратился в размытое пятно, где реальность переплеталась с чем-то необъяснимым. До сих пор, когда он пытается вспомнить ту ночь, у него в голове полный туман. Как ни старается, не может сложить всё в единую картину. Вот вроде бы всё было ясно, а потом — бац! — и полная неразбериха.

Взять хотя бы эту странную историю с тем, что все оказались мокрыми. Откуда взялась вода? И как они вообще справились с вооружёнными бандитами? Это же просто уму непостижимо! Он мог бы поклясться, что всё было как в тумане. Словно та роковая ночь не только забрала у него жену, но и часть его самого.

А эти кошмары... Они просто изводят его каждую ночь. И знаете что? Эти сны кажутся ему даже более реальными, чем то, что произошло на самом деле. В них всё чётко, понятно, а в воспоминаниях о той ночи — сплошной хаос. Он просыпался в холодном поту, а в голове только одна мысль: «Как же так всё вышло?» И самое страшное — он до сих пор не может найти ответы на свои вопросы.

В своих снах он раз за разом переживал потерю жены — её безжизненное тело на мокром асфальте, её застывшее лицо, которое он никак не мог забыть. Над городом несконча-

емым потоком лил дождь, огромные капли барабанили по земле, словно пытаясь смыть его боль и очистить память от страшных воспоминаний.

Спустя несколько лет Зак женился снова на женщине по имени Бонни. С первого взгляда на неё все замирали — ну просто модель с обложки глянцевого журнала! Такая вся утончённая: волосы каштановые, волнами до плеч спадают, глаза карие, огромные, с такими ресницами, что любая красотка обзавидуется. А в глазах этих — сталь, сразу видно: девица не промах, своего не упустит. И улыбка у неё такая добрая, и голос нежный — рядом с ней как-то сразу спокойнее становилось. Коротко говоря, Бонни умела так расположить к себе, что все вокруг будто расслаблялись и чувствовали себя комфортно.

Но вот незадача — как только она появилась в их доме, отношения Томаса с отцом начали катиться под откос. Раньше-то они хоть иногда вместе время проводили: то в парк ходили погулять, то на соревнования по плаванию, где Томас выступал. А теперь всё, конец — отец будто забыл, что у него сын есть. Только и делает, что вокруг новой жены кружится.

Со стороны их семья выглядела как картинка: ужинали все вместе при свечах, на снимках все улыбались. Бонни на этих фотографиях прямо светила от счастья — одета с иго-

лочки, макияж идеальный, и ведь не перебарщивала, знала золотую середину, как раз то, что нужно, чтобы природную красоту подчеркнуть. Только вот за этой идеальной картинкой пряталась совсем другая история.

Знаете, Бонни была той ещё штучкой. С виду вся такая милая и нежная, но внутри — ого-го! Да, она вроде как жалела Томаса из-за того, что он маму потерял, но только вот слышать про Эллу не хотела. Стоило парню за столом про маму свою вспомнить, как у новой «мамочки» сразу лицо каменело. Улыбка становилась такой фальшивой, аж глаза резало, а во взгляде появлялся этот противный холодок.

А потом вообще всё пошло наперекосяк — Бонни забеременела. Тут уж совсем всё завертелось: Зак теперь только вокруг неё и их будущего ребёнка крутился, своего ребёнка, что Элла никак не смогла ему подарить. Старый кабинет покойной жены быстро превратился в детскую комнату — стены в пастельные тона выкрасили, мебель расставили, всё так нежно, красиво. А Томас чувствовал себя в собственном доме как чужой. И ведь прав он тогда был.

Бонни, конечно, пыталась изображать заботу о пасынке, но получалось у неё так наигранно, что аж противно. Каждый раз, когда Томас смотрел на его новую семью, у него внутри всё сжималось от тоски. В этом доме, который рань-

ше был его, теперь для него места не находилось.

И тогда он решил — пора встать на ноги и уехать отсюда подальше. Кембридж! Вот куда он метил с детства. И не просто так, а чтобы сбежать от этой новой реальности, которая его просто убивала. Тем более что отец вдруг перестал зудеть про семейную традицию и адвокатуру. Эта новость, единственная, пожалуй, что ему душу грела — наконец-то можно было рвануть на медицинский, как он всегда и хотел.

Иногда Томасу казалось, что стены этого дома давят на него всё сильнее с каждым днём. Он просыпался утром и понимал: ещё один день в этой атмосфере фальшивых улыбок и неискренних разговоров. Здесь, среди родных стен, он чувствовал себя лишним, будто зашёл в гости к незнакомым людям.

Каждый вечер, лёжа в своей постели, он прокручивал в голове одну и ту же мысль: «Так больше нельзя». И чем дольше он об этом думал, тем яснее становилось — нужно что-то менять. Прямо сейчас.

Решение поступить в медицинский стало для него чем-то вроде спасательного круга. Это была не просто мечта — это был его шанс на новую жизнь. Шанс вырваться из этой удушающей рутины, стать независимым и, наконец, быть собой.

Когда он представлял себя в белом халате, помогающим людям, его сердце начинало биться чаще. Он видел себя не просто врачом — он видел себя тем, кто может изменить чью-то жизнь к лучшему. Спасти, облегчить боль, подарить надежду.

Да, впереди его ждали годы учёбы, бессонные ночи и тяжёлый труд. Но впервые за долгое время Томас чувствовал настоящий азарт. Он знал — это его путь. И пусть дорога будет непростой, но теперь у него есть цель, есть мечта, есть то, ради чего стоит жить и бороться.

И каждый раз, когда он думал об этом, на его лице появлялась искренняя улыбка. Настоящая, не та, которой он улыбался здесь, дома.

Глава 6: Алекс

А теперь мы с вами отправимся в путешествие по удивительной и безумно красивой России — стране, которая тянется от запада до востока. В каждом её городке хранится своя история, на каждой улице чувствуется особый шарм. А в самом сердце этих бескрайних просторов сияет великая и неповторимая Москва — яркая, притягательная, полная возможностей столица. Именно здесь, вместе со своей тётушкой Марией, оказался наш третий герой — Александр.

Александр вырос настоящим красавцем: высокий, стройный, с пронзительно-голубыми глазами. Но в этих глазах, несмотря на молодость, читалась какая-то неповторимая печаль — словно он видел то, чего не замечали другие. Чёрные, как крыло ворона, волосы всегда были аккуратно уложены: возможно, это помогало ему держать себя в руках, когда внутри всё бушевало.

Он держался немного скованно: движения давались будто с трудом, хотя осанка была идеально прямой, но какой-то напряжённой — словно на плечах лежал невидимый груз. Александр двигался осторожно, будто боялся совершить ошибку. Казалось, он всё время ждал от жизни како-

ГО-ТО ПОДВОХА.

Его тётя Мария, которая вырастила парня, была женщиной с большой буквы. Средних лет, с добрыми карими глазами и тёмными волосами, в которых уже поблёскивала благородная седина. Работала она хирургом — руки у неё были просто золотые, способные творить чудеса в операционной.

В больнице она — воплощение профессионализма в своём белом халате. А дома превращалась в настоящую хранительницу очага — мягкие свитера, юбки, уютный домашний вид. И характер у неё был особенный: могла быть твёрдой как сталь, когда требовалась решительность, но при этом всегда оставалась чуткой и понимающей. Таких, как она, встретишь нечасто. Она из тех редких людей, кто не боится проблем и всегда стоит до конца. А ещё она тот человек, который никогда не пройдёт мимо чужой беды — всегда готова подставить плечо тем, кому это действительно необходимо.

Детство Алекса прошло в тихом, уютном мирке, где каждый день был похож на предыдущий. Он был из тех мальчишек, от которых никакой беды не жди — всегда готов помочь по хозяйству, никогда не отлынивал от работы. Тётушка его, бедная женщина, с утра до ночи на работе пропадала, так что частенько приходилось оставлять парнишку у соседки — доброй души человека, тёти Веры.

Ох, и замечательная же была эта Вера! Прямо как солнышко в хмурый день — всегда с улыбкой, всегда с теплом. Круглолицая такая, с ясными глазами цвета вишни, а волосы светлые, аккуратно уложенные. Носила она простые платица, но такие чистенькие, аккуратненькие — сразу видно, что душа у человека добрая. А как она с детьми умела ладить! Любой ребёнок к ней тянулся, а она каждому слово доброе найдёт, совет мудрый подскажет.

А муж её, Иван, военный человек — редко дома бывал, зато семья жила припеваючи. Высокий такой, стройный, с военной выправкой — одним взглядом порядок наведёт. Волосы тёмные, уже с проседью, борода ухоженная — настоящий господин. На службе, конечно, строгий был, но дома — совсем другой человек. Как приедет в отпуск — так вся семья радуется, такой он заботливый и внимательный становился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.